

Чернышева Анна Владимировна

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. М. ЛОТМАНА

В статье рассматривается структурно-семиотическая концепция культуры одного из видных представителей отечественной философии культуры Ю. М. Лотмана. Особое внимание автор уделяет выявлению специфики понятия культуры, а также рассмотрению культуры как бытия текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 184-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1(091)/130.2

В статье рассматривается структурно-семиотическая концепция культуры одного из видных представителей отечественной философии культуры Ю. М. Лотмана. Особое внимание автор уделяет выявлению специфики понятия культуры, а также рассмотрению культуры как бытия текста.

Ключевые слова и фразы: семиотика; семиосфера; текст; культура; структурализм; знак; язык.

Анна Владимировна Чернышева, к. филос. н., доцент
Кафедра «Социология и культурология»
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
irida64@bk.ru

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. М. ЛОТМАНА[©]

Творчество выдающегося ученого, филолога, культуролога Юрия Михайловича Лотмана (1922-1993), поставившего изучение истории и теории культуры на прочную почву филологических дисциплин – семиотики и структурализма, подкрепленных огромным фактическим материалом отечественной культуры, – является убедительным примером плодотворного развития новаторской культурологической мысли даже в условиях цензурного удушения гуманитарных наук в Советской России.

В 1980-е годы Ю. М. Лотман приходит к идее семиосферы, которая представляет собой некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Исследователь рассматривает культуру как знаковую систему и определяет ее как «*семиосферу*» (по аналогии с понятием «*ноосфера*», используемым в работах В. И. Вернадского), подчеркивая тем самым ее глобальный характер. *Семиосфера* – это большая система, семиотический универсум или семиотическое пространство, в котором каждый знаковый акт обусловлен и обладает реальностью. В семиотическом измерении культура, по сути дела, и есть семиосфера. Ее признаками, согласно Ю. М. Лотману, являются наличие внутренней организации («отграниченность» от среды), существование неорганизованного внешнего окружения и неравномерность, выражающаяся в ее специфической гетерогенной организации – в наличии ядра и периферии в текстах культуры, в механизме сходства и различия, симметрии и асимметрии.

По мнению Ю. М. Лотмана, основная социальная роль культуры заключается в том, что она является «негенетической памятью коллектива», хранит и передает накопленный предшествующими поколениями опыт. Исходя из такого понимания, он рассматривает в своей концепции культуру, во-первых, как определенное количество накопленных текстов, а во-вторых, как совокупность унаследованных символов. Именно этим и обуславливается научный интерес ученого к существующему диалогу культур, его механизму и условиям функционирования культуры как коммуникативной системы.

Проанализировав процесс общения различных культур, Ю. М. Лотман высказывает идею о том, что межкультурный диалог включает в себя три закономерных стадии. *Первая* из них характеризуется стремлением одной из общающихся культур освоить более богатое духовное наследие другой культуры. На *следующей* стадии происходит «присвоение» заимствованных идей, их своеобразная «национализация»: культура как бы пытается «убедить» себя в том, что заимствованные идеи и духовный опыт уже давно существовали в ней самой и являются ее законной «собственностью». И наконец, *третья* стадия диалога сопровождается растущей неприязнью к той культуре, которая изначально была источником положительного культурного наследия. Так, в XVIII веке Россия наследует учение просветителей, при этом идеи Просвещения воспринимаются только на французском языке, который считается языком европейской образованности. Достаточно быстро русские мыслители провозглашают эти идеи «своими», находят их русские национальные корни, видя в русском крестьянине «человека природы». И в конечном счете в России назревает неприязнь не только к идеям французского Просвещения, но и ко всему французскому вообще – к тому, чему не так давно поклонялись. Вся французская культура оценивается уже как культура развращенных маркизов.

Одной из основополагающих проблем семиотики культуры, согласно Ю. М. Лотману, является проблема культурного текста и осмысление его роли в общении. В этой связи ученый высказывает целый ряд идей, важных для философии культуры в целом. Особый интерес среди них представляет проблема понимания текста (под «*культурным текстом*» здесь понимается не только письменный текст, но и художественное произведение, ритуал, обряд и любой другой памятник культуры – все, в чем закодировано сообщение).

Текст для Ю. М. Лотмана не знак, если понимать под знаком только единство означаемого и означающего. В таком определении проявляется сигнальная природа текста, если понимать под ним лишь высказывание на каком-либо конкретном языке. В традиции семиотики культуры при рассмотрении понятия текста было определено, что «текст» как феномен культуры должен быть дважды закодирован. Первичной формой данной кодировки выступает мифологическое мышление как факт первобытной культуры. Словесная формула и ритуальный жест являются определенными подуровнями одного текста культуры. Возникновение текстов типа «ритуал» и «обряд» приводит к совмещению различных типов семиотического универсума.

Текст является составной частью языковой деятельности. Исследуя текст, мы выделяем те структуры, которые лежат в его основе, т.е. раскрываем те законы, по которым функционирует наш язык и по которым мы строим текст.

Согласно концепции К. Леви-Стросса, текст и культура обладают тем же строением, что и язык. Язык – это условие культуры. И то и другое создается посредством оппозиций, различий и корреляций. Возможно, что культурные явления имеют более сложную структуру, однако речь идет об однотипных структурах. Структура языка – это фундамент для понимания более сложных структур.

Исходя из основных постулатов структурно-семиотической теории, необходимо изучать не отдельные персонажи или сюжеты, а брать текст как целое. Если текст имеет смысл, то он определяется не отдельными элементами, а способами их сочетания.

Чтобы понять текст, его необходимо расчленивать на элементы и рассмотреть характер их взаимоотношений. Ю. М. Лотман выделяет уровни исследования текста, которые и рассматривает в рамках целого. Сопоставляя между собой эти элементы, мы можем раскрыть смысл текста и его структуру.

Ю. М. Лотман обращает внимание на то, что в системе культуры текст может выполнять следующие функции, выделяемые по степени их усложнения.

1. Текст адекватно передает информацию, поскольку представляет собой сообщение, направленное от носителя информации (писателя) к ее получателю (аудитории). Выполнение данной функции возможно при максимальном совпадении кода отправителя и получателя информации, т.е. ее обязательным условием является наличие текста на искусственном языке.

2. Текст выполняет функцию коллективной культурной памяти, и в этом смысле определение текста совпадает с определением культуры. Актуализация смысла текста выявляет две тенденции: накопление текстов и сохранение социально значимых источников, критерии обнаруживают временную зависимость.

3. Интеллектуальные характеристики читателя порождают новые смыслы и особые виды текста – традиционные и канонические. И наибольший интерес в плане понимания специфики общения культур представляет именно осмысление особенностей текста, выступающего генератором нового смысла.

Существенный скачок в этой области происходит благодаря изобретению алфавита, папируса и бумаги, что значительно расширяет возможности письменности. Письменная традиция существенно изменяет содержание и структуру культуры. Поэтому Ю. М. Лотман не без основания выделяет в истории культуры два качественно различных периода: дописьменный и письменный.

С изобретением письменности появляется не только возможность записать результаты коллективной деятельности, но и создаются условия для индивидуального творчества. Анонимная коллективная созидательная деятельность народа вынуждена теперь сужать свои границы, уступая творческое пространство для художников-профессионалов, обретших особый статус.

Проявляя интеллектуальные свойства, высокоорганизованный текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации. Он становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности. И для автора (адресанта), и для читателя (адресата) он может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге. В этом отношении древняя метафора «беседовать с книгой» оказывается исполненной глубокого смысла» [1, с. 141].

Культурные явления понимаются Ю. М. Лотманом как явления семиотические, так или иначе структурированные и организованные. Структура культуры задает пространство, в рамках которого возможно появление того или иного текста. Культура – это единый код, который обеспечивает функционирование различных текстов. Понимание культуры как текста задает новую парадигму в теории культуры, в отличие от понимания текста как феномена культуры.

Обоснование структуралистской позиции Ю. М. Лотмана заключено в следующих утверждениях.

1. Исследование текста не должно быть простым описанием; оно должно быть нацелено на выявление общих законов и структур, по которым строится текст. Текст рассматривается как структурное воплощение абстрактной модели.

2. Текст не рассматривается как выражение иррационального творческого порыва. Структурализм отбрасывает любые субъективные и психологические моменты.

3. Текст обладает смысловым единством; можно сказать, что он выражает единый замысел, который объединяет все элементы, однако источником его смыслового единства не является автор или читатель.

4. Восприятие и осознание смыслового единства текста не являются продуктами или результатами наших усилий. Это единство предопределено самой его структурной организацией.

5. Читатель или критик уже не являются источником смысла; его возможность заложена в самой структуре произведения, текста.

Используя методы семиотики, кибернетики, структурализма, Ю. М. Лотман дает определение культуры как «совокупности всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [4, с. 442], т.е. рассматривает культуру как сложную знаковую систему со своей памятью, способами изучения и саморегуляции, которая ограничена от не-культуры (природы) именно знаковой; систему, втягивающую природную не-знаковость в себя и преобразующую ее семиотически. Он классифицирует культуры и аспекты культур как: а) закрытые и открытые; б) парадигматические и синтагматические; в) пространственные и временные; г) семантические и синтаксические. Кроме того, культуры подразделяются им по следующим основаниям:

- 1) ориентирующиеся на обычай или закон;
- 2) ориентирующиеся на концы или начала;
- 3) ориентирующиеся на «свое» или «чужое»;
- 4) ориентирующиеся на систему сообщений «Я–ОН» или на автокоммуникацию, т.е. на систему «Я–Я».

Рано заинтересовавшись семиотикой и структурализмом, применив эти новые науки к изучению русской культуры, он, несмотря на замалчивание его трудов, объединяет вокруг себя многих независимо мыслящих ученых и становится общепризнанным основателем Московско-тартуской семиотической школы, получившей широкое международное признание. Приняв исходное различие первичных и вторичных моделирующих систем, он существенно модифицирует семиотический подход к культуре, предлагая и разрабатывая такие понятия, как «семиосфера», «биполярность», «дуальная организация», «семиотическое пространство», «нормы поведения» и другие.

Культура для него одновременно – это и «текст», всегда существующий в определенном «контексте», и механизм, создающий бесконечное многообразие культурных «текстов», и долгосрочная коллективная память, избирательно передающая во времени и пространстве интеллектуальную и эмоциональную информацию.

Перед смертью, уже потерявший зрение, ученый надиктовывает своим ученикам последнюю работу – «Культура и взрыв» (1992 г.), в которой приходит к выводу, что культура, будучи устройством, вырабатывающей информацию, представляет собой антиэнтропийный механизм человечества. Он предпринимает попытку с позиции семиотики наметить различия между «взрывными» социокультурными процессами в России, с ее противоречивой дихотомийной культурой, и западной цивилизацией, которой присуще более плавное и менее разрушительное развитие.

В статье «Феномен культуры» (1978 г.) автор определяет культуру как сверхиндивидуальный интеллект, который представляет собой механизм, восполняющий недостатки индивидуального сознания, и вычленяет в ней механизм дуальности, ведущий «к постоянному расщеплению каждого культурно активного языка на два» [2, с. 41], подчеркивая принципиальную асимметричность феноменов культуры.

Анализ межкультурных взаимодействий с семиотической точки зрения позволяет Ю. М. Лотману раскрыть механизмы трансляции текстов, порождения новых текстов, конструирования в культуре своего контрагента другой культуры, показать роль метаописаний культуры. Формы описания культуры, в которых выделен какой-то один код, но при этом строится ее унифицированный образ, не выражают всю сложность культуры. Но даже в этом упрощенном облике описание культуры является активным регулятором, повышающим уровень самоорганизации культуры, правда, путем искусственной унификации ее различных процессов и механизмов.

Построение семиотики культуры во многом трансформирует и понятия семиотики. Так, исходное понятие «текст», отождествляющееся с сигналами или высказываниями на каком-либо языке, трансформируется и обретает смысл сообщения, закодированного двояким образом. Подобным образом в семиотике культуры осознаются такие проблемы, как «совмещение различных типов семиозиса, перекодировки, эквивалентности, сдвигов в точках зрения, различных “голосов” в едином текстовом целом» [Там же, с. 130]. Текст оказывается гетерогенным и различным по своей структуре, будучи при этом выражением нескольких языков.

Культура начинает пониматься не как беспорядочное скопление текстов и не как единый текст, а как сложная, многоуровневая, иерархически организованная система различных языков, как «сложное многоголосие».

Культура – это «ненаследственная память коллектива», механизм, создающий совокупность текстов, «генератор структурности» всех текстов, создаваемых внутри нее [3, с. 328], тип которого определяется отношением к знаковым системам и задается культурным стилем. Выделение культурных типов происходит не только в соответствии с внутренней организацией культуры, но и в соответствии с характером смыслопорождения, т.е. способности культуры выдавать на «выходе» нетривиально новые тексты [Там же, с. 369].

Таким образом, семиотика культуры существенно расширяет и свой категориальный аппарат, и методы исследования, включая в свой предмет не только осмысление различных знаковых систем, но и норм и предписаний, анализ системы ценностей и форм их самосознания, описание различных типов и моделей культуры. И если на первых порах семиотика культуры строится на основе лингвистического анализа естественного языка, признавая при этом знаковую систему первичной, то в дальнейшем все более и более начинает осознаваться автономность и специфическая организация семиотических систем, полиморфизм культуры. Естественный язык как знаковая система в данной ситуации становится вторичным и производным, несмотря на ориентацию на лингвистические методы исследования.

Список литературы

1. **Левин-Стросс К.** Структурная антропология. М., 1985. 556 с.
2. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1.
3. **Там же.** Т. 3.
4. **Хрестоматия по культурологии.** СПб., 2000. Т. 2. Самосознание русской культуры. 512 с.

CULTURE NOTION IN YU. M. LOTMAN'S STRUCTURAL-SEMIOTIC CONCEPTION

Anna Vladimirovna Chernysheva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Sociology and Culturology
Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
irida64@bk.ru

The author considers structural-semiotic culture conception of one of the distinguished representatives of native culture philosophy – Yu. M. Lotman - and pays special attention to the revelation of culture notion specifics and also to the consideration of culture as text existence.

Key words and phrases: semiotics; semiotic sphere; text; culture; structuralism; sign; language.

УДК 343.265

Настоящая статья посвящена анализу условий обоснованного риска при проведении биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека. В работе автор проводит сравнительную характеристику сложившихся в теории права концепций обоснованного риска, формирует признаки обоснованного риска в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова и фразы: обоснованный риск; биомедицинские экспериментальные исследования с участием человека; причинение вреда при обоснованном риске; защита прав пациентов; медицинское право.

Юлия Андреевна Чернышева

Кафедра уголовного права и процесса

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

lavytrans@mail.ru

ОБОСНОВАННЫЙ РИСК И ЭКСПЕРИМЕНТЫ НА ЧЕЛОВЕКЕ[©]

Риск – это естественный двигатель прогресса. Человечество преодолевает преграды на пути своего развития, употребляя всё новые средства, рецепты, технологии. Рискуя сегодня, мы создаём надёжную завтрашнюю жизнь. Практически не существует свободного от риска или эксперимента поведения. «Опыт – сын ошибок трудных» приобретает и в типичных, и в экстремальных ситуациях. При этом уточняются нормативы жизнедеятельности, готовится площадка для новых натисков на преграды развития. Природа же, по сравнению с человеком, медленно пробивает себе дорогу через случайности, методом статистического превосходства одних событий и явлений над другими [7, с. 50].

Понятие обоснованного риска даётся в ч. 2 ст. 41 УК РФ: риск признаётся обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Риск не признаётся обоснованным, если он заведомо был сопряжён с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия (ч. 3 ст. 41 УК РФ).

Потребность в институте обоснованного риска, в особенности применительно к сфере медицинской деятельности, ощущалась остро. Биомедицинские исследования и эксперименты в течение долгого времени проводились в отсутствие надлежащей правовой базы. Причинение вреда в процессе рискованных действий, несмотря на их добросовестный характер, могло повлечь для рискующего юридическую ответственность, в том числе уголовную. Институт крайней необходимости, как будет показано в дальнейшем, не охватывал всех случаев риска в медицине, поскольку наряду с некоторыми общими чертами имеет ряд существенных отличий от обоснованного риска. Если при этом учесть то обстоятельство, что практически все новые лекарственные средства, методы диагностики и способы лечения должны проходить апробирование на людях, можно себе представить, насколько юридически шаткой была позиция исследователей – биологов и врачей. Конечно, далеко не всегда такие исследования были сопряжены с риском причинения вреда жизни или серьезного физического вреда здоровью испытуемого, однако именно в отсутствие уголовно-правового института обоснованного риска начали осуществляться сложнейшие операции на сердце, нейрохирургические операции на мозге человека, трансплантация органов и тканей и т.д. Медицинский риск, понимаемый в контексте обоснованного риска, можно определить как действия (акты бездействия) медицинского работника, сопряженные с опасностью причинения вреда правоохраняемым интересам, совершаемые с терапевтической или иной общественно-полезной целью, не достижимой без риска, если рискующий медицинский работник предпринял достаточные, с его точки зрения, меры для предотвращения указанного вреда. Абсолютными пределами медицинского риска как разновидности обоснованного риска являются